

Солнце царило на безоблачном небе, позволяя меняющимся краскам растительного мира выглядеть все более яркими.

На окраине Синеречья, на холме, возвышающемся над низинами и щедрыми пастбищами, находилось урочище, называемое Игольчатым лесом, происхождение которого было понятно даже юному Мирю.

Издалека казалось, что из холма торчат бесчисленные железные иглы, создавая слишком пустынную среду для произрастания хотя бы одного дерева.

Если решительно взобраться на холм, то можно было увидеть истинную сущность игл. Каждая из них представляла собой толстый железный столб, такой же, как те, что ежегодно появляются во время Фестиваля приношений.

Мирю пнул пятку, торчащий кусок железа.

— Ну-ка, проснись! Уже полдень!

Подошва ноги, которую пнул Мирю, была почти в три раза выше его самого.

— Хватит пищать... Тыфу, опять ты, тупое отродье...

— Ты ленивый бездельник! Ты только и делаешь, что валяешься целыми днями!

Долгое-долгое время на вершине бесплодного, покрытого железом холма жил лишь один-единственный обитатель. Гигант. Его имя было известно всем в деревне - Меле, Рев Горизонта.

— Хнннгх... Поднимаеися.

Ухватившись за один из ближайших столбов, гигант вяло поднялся на ноги. Железный шест, на переноску которого каждый год уходило по двадцать взрослых человек, с металлическим скрипом перекосялся в горизонтальной плоскости, как шест для сушки белья.

Он был огромным человеком. Слишком огромным.

Он был одет в простую одежду, сотканную из деревьев и растительности с помощью ремесленных искусств. Его голова, даже когда он сидел, скрестив ноги, была так высоко, что Мирю приходилось отклонять шею назад, чтобы разглядеть его лицо.

От старосты деревни Мирю слышал, что даже среди древних гигантов Меле был особенным.

Как и среди минья, среди них были высокие гиганты, которые возвышались над другими представителями своей расы, а рост Меле, по меркам Центрального королевства, составлял от двадцати до тридцати метров.

— Ну что, опять подрался с папашей, да?

— Не в этом дело! Твой лук! У тебя ведь есть такой?!

— О, это штука? Куда я его положил?

— Как ты вообще мог потерять такую большую вещь?! Смотри, он лежит вон там!

По голосу Мирю без труда определил местонахождение предмета. Конечно, тот, кто жил за

пределами Синеречья, никогда бы не узнал в нем лук.

Черное, невероятно большое оружие было сделано из какого-то неизвестного материала. Оно выглядело почти как часть пейзажа: лежало на земле, среди прорех в мощных колоннах.

— Пук сказал, что если ты сможешь хоть немного сдвинуть тетиву этой штуки, то автоматически станешь самым сильным человеком в деревне. Это правда?

— Да брось ты. Если такой сопляк, как ты, станет сильнейшим в деревне, это еще ничего не значит. Я все равно буду в тысячу раз сильнее.

— Как будто мне есть дело до того, насколько ты силен, Меле! Пук смеялся надо мной и говорил, что я ни за что не смогу этого сделать, так что я собираюсь выяснить это сама!

— Какая жалость...

Гигант вяло откинулся на спину и выдернул пальцами из земли массивный лук. Он волочился по траве и почве, громко скрежеща по поверхности холма.

Мироя вздохнул с досадой. В его глазах Меле был еще большим лентяем, чем его старшая сестра. Неужели такой, как он, может быть божеством-хранителем деревни?

— Постарайся, чтобы тебя не зажало под этой штукой и я не умер, понял? Не то чтобы я ожидал многого другого от жалкого слабака.

— О, заткнись.

Огрызнувшись, Мироя попытался надавить на натянутую металлическую тетиву.

Длина тетивы была почти такой же, как рост гиганта, и все же Мироя направил на нее весь свой вес, но она не сдвинулась с места - это был прочный железный стержень, не похожий на столбы, возвышавшиеся вокруг.

Он начал задумываться о том, есть ли доля правды в легенде о кабане, появившемся в Игольчатом лесу и погибшем после столкновения с черным луком. Но даже в этой истории лук не сдвинулся с места ни на дюйм.

— Аргх, хннгх, кмн! Хааа...

— Бва-ха-ха-ха! Просто брось это. Ты еще слишком молод, чтобы выгибать спину.

— Ну, я уже поднимал целую бочку воды в одиночку, ясно?! Но никто не сможет сдвинуть эту штуку с места!

— Конечно, есть. Ты же с ним разговариваешь.

— Уф, ты знаешь, что я имел в виду.

Меле снова перевернулся на бесплодной земле, его интерес угас.

Мироя ни разу не видел, чтобы гигант двигался с каким-либо чувством срочности.

— Ах да, это мне напомнило. Несколько десятилетий назад какие-то идиоты из деревни собрались вместе и попытались доказать свою силу, подняв еще одну мою вещь. И я говорю не

о тетиве.

— Что за "вещь"?

— Да ладно, разве это не очевидно? Мое мужское достоинство.

— А?!

Мироя инстинктивно посмотрел на промежность гиганта. Под травяной юбкой действительно виднелось все.

— Сколько человек понадобилось?!

— Пять человек не справились. Поэтому они решили, что если они собираются всерьез попытаться проверить это дело, то им нужно как минимум шесть. Все шестеро считались одними из самых сильных мужчин в деревне.

— Почему вообще шесть взрослых людей были настолько глупы, чтобы сделать что-то подобное?!

— Попробуй спросить об этом своего папу или дедушку. Мужчины остаются глупыми, сколько бы лет им ни было. По правде говоря, я так и не смог понять, удалось ли им поднять его или нет...

— Что? погоди, ты не можешь просто оборвать рассказ на этом!

Как он мог не знать, удалось им это сделать или нет?

Меле почесал живот, выглядя немного неловко.

— Я не лгу. Я действительно не могу сказать наверняка. Когда шесть человек прикасались ко мне... ну, знаешь... у меня появилось ощущение щекотки, и... Если уж совсем придирается, то технически им удалось поднять его в воздух...

— Ты серьезно?!

— Бва-ха-ха-ха-ха-ха! У них тоже был настоящий шок! Начали спрашивать меня: "Подождите, а ты так удовлетворяешься?!".

Разговоры Меле всегда были наполнены этими ностальгическими рассказами о совершенно обескураживающих эпизодах с деревенскими жителями.

Например, деревенские дети открыли для себя опасную забаву - соревноваться, кого дальше разнесет чих Меле.

В другой истории, когда отец старосты был молод, Меле позволил ему покататься на плечах, чтобы заглянуть в женскую баню, но Меле был так замечен, что отца старосты наказали.

Еще один случай был, когда его пение во время свадебной церемонии одной женщины было настолько ужасным, что ее навсегда запретили, и это положение до сих пор сохранилось в записях города.

От маленьких детей до старейшин деревни... У каждого жителя Синеречья были свои воспоминания о долговязом гиганте. Сам Мироя, скорее всего, до конца жизни будет помнить

этот лук, так прочно воткнутий в землю, что можно подумать, будто он пустил корни.

— И все же, Меле, при всей своей гигантской массе ты совсем не сражаешься. Ты хотя бы умеешь пользоваться этим луком?"

— Не беспокойся об этом. Черт, лучше вообще никогда не стрелять из него. Разве тебя никто этому не учил?

— Что? Если бы было действительно лучше никогда не стрелять из лука, то луков и стрел вообще бы не существовало! Ты ведь никогда не стрелял из своего лука, верно?

— У тебя на все есть умный ответ, не так ли, малыш?

На самом деле все было именно так, как сказал Мироя.

О недюжинной силе Меле и его огромном теле говорили во всей деревне.

Однако среди этих разговоров не было ни одной истории о том, как Меле мужественно использовал эту силу, чтобы сражаться и изгонять своих врагов.

Меле, несомненно, был чемпионом деревни, но чемпионом неизвестной доблести и героизма.

— Эй, я просто беспокоюсь о тебе, вот и все. В Ауреатии ведь есть даже этот Росклея, верно? Есть даже Тороа Ужасный, он появляется во всех страшных историях! Не думаю, что ты сможешь их победить!

— Вот теперь ты действительно несешь чушь! Я же говорю, что я самый сильный из всех. Если бы я выложился на полную, никто не смог бы со мной сравниться. Ты бы дрожал в своих сапогах, не сомневайся.

— Что?! Ты только и делаешь, что бездельничаешь! Готов поспорить, Росклея намного сильнее тебя!

Известие о том, что их божество-хранитель отправится на королевские игры в Ауреатию, очень взволновало Мироя.

Неужели самое большое присутствие Синеречья, существующее с незапамятных времен, действительно было самым сильным существом в этих землях?

Однако другие кандидаты, подобные ему, например, второй генерал Ауреатии Росклея Абсолютный, имели престиж и славу, которые не ограничивались одной деревней. Вторым генералом был великим чемпионом, которого любили и на которого равнялись дети минья повсюду. Мироя не был исключением.

— Ты должен был сказать мне, что я выиграю, даже если ты не имел в виду этого. Какой неблагодарный ребенок... Награда Ауреатии - это не шутка, поверь мне. Я смогу отстроить дом Кутоя, в который попало освещение, и даже заменить старое водяное колесо на западе.

— О да, это водяное колесо уже изрядно обветшало, не так ли?

— Оно используется с тех пор, как твой дед был маленьким мальчиком, даже после нескольких ремонтов. Что там еще? Ах, да, да, расходы на роды Поани. Это будет уже третий по счету. Я могу купить Миземуре технику из Ауреатии, чтобы он мог обрабатывать свои поля.

— Да кого волнует этот странный старый пердун Миземура?

— Ба-ха-ха-ха-ха-ха! Раз уж я все равно выиграю, то наверняка мы получим еще больше денег! Какой смысл быть скупым с другими жителями деревни, верно?

— Я был прав. Тот, кто говорит такие вещи, ни за что не выиграет!

Меле всегда смеялась с оптимизмом.

Будь то чьи-то проблемы в школе или на ферме, или трагедии мира в целом, по сравнению с его массивным телом все они казались такими мелкими.

Возможно, именно поэтому жители деревни, даже не имея особых причин, приходили в Игольчатый лес.

Мироя в последний раз попытался сдвинуть тетиву Меле. Она не сдвинулась ни на дюйм.

— Вот отстой! Слушай, лучше не ломай этот лук! Когда ты проиграешь и вернешься сюда, я подниму этот лук прямо с земли.

— Наглый маленький проказник, не так ли? Пора возвращаться домой.

Внезапно Меле встал. Казалось, он смотрит куда-то вдаль.

Хотя для глаз Мироя все, что он мог видеть, было обычное, пустое голубое небо.

— Надвигается буря.

— Подожди, неужели? Но ведь на улице по-прежнему ясно.

— Да, плохая. Тучи говорят об этом.

— Ну да... Ладно, тогда до завтра.

Мироя быстро сбежал с холма, направляясь домой.

У Меле не было крыши, чтобы укрыть его от ветра и дождя. Да и не нужна она ему была.

Игольчатый лес, возвышавшийся над Синеречьем, был его домом уже очень и очень давно.

— Посмотрим... Должно быть, сегодня вечером...

Больше никто не мог разглядеть очертания облаков, дрейфующих по самому краю горизонта.

Меле взял в руки свой черный лук.

В этом году снова приближался день гибели Синеречья.

Он пришел не с шипением, а с грохотом.

Дождь звучал почти как землетрясение, а темное, бушующее небо словно пыталось утопить

всю землю разом. Штормовой ветер с соседних гор начал поднимать в воздух целые деревья. Несколько из них со значительной силой врезались в кожу Меле, но он не почувствовал никакой боли.

Огромный гигант стоял на двух ногах посреди безлунной бури.

Два страшных глаза сверкали, выходя из колоссальной тени и устремляясь в небеса.

В сочетании с ужасающим проливным дождем любой незнакомый с Меле человек, увидевший эту сцену воочию, решил бы, что перед ним воплощение разрушения.

— Похоже, он скоро будет здесь...

Стон Меле не был обращен ни к кому конкретно.

Он поднял один из глубоко вбитых столбов Игольчатого леса, который все еще стоял прямо, несмотря на ревущий ветер.

Их дарили ему только два раза в год.

Высококачественная железная руда, добываемая в регионе, растворялась, и каждый год человек, обладающий наибольшими способностями к ремесленному искусству, придавал ей форму идеально ровных столбов. Затем они подвергались ковке, чтобы предотвратить появление ржавчины. Столбы были величайшими произведениями ремесла в Синеречье - в каждый из них вкладывалась душа и сердце всей деревни.

Они были сокровищами Меле.

Меле всегда смотрел вниз, на свою единственную духовную обитель.

Огни в домах людей, занимающихся своими делами, дрожали под апокалиптическим ливнем.

Мирная деревня, благословленная щедрыми водами, горными ресурсами и почвой, способной поддерживать урожай и животных.

Двести пятьдесят лет назад, в те времена, когда он знал только одиночество, этой деревни не существовало.

Он закрыл глаза и сосредоточился.

В тот момент, когда течение реки, бушующей, как дракон, изменилось...

Посреди этого проливного потока, бьющего по всем чувствам сразу, наступил тот самый момент, который он никак не мог пропустить.

Низкий, непрерывный рев реки... стал чуть громче.

Меле открыл глаза. В тот же самый момент, когда у него возникло предчувствие, гигантская главная река, впадающая в океан, устремилась назад, в маленькую речку, отходящую от основного потока. Река проходила прямо через центр деревни.

Синеречье было деревней, благословленной щедрой водой и богатой питательными веществами почвой. Однако это также означало, что за свою долгую историю она была регионом, которому постоянно угрожало подобное речное наводнение.

Раз в год здесь шли проливные дожди ужасающих масштабов, и каждый раз наводнение оказывалось неконтролируемым, а построенная всеми деревня была обречена погрузиться под воду.

Вот и в этот день Синеречье было разрушено.

Как всегда, Меле Рев Горизонта не терял времени даром.

Он просто натянул черный лук, который никто, кроме него, не мог ни натянуть, ни даже поднять.

Стрела, которую он наложил, была одним из железных столбов Игольчатого леса, подаренных ему жителями деревни.

В потоке, который несся против течения реки, три разных течения превратились в одно.

Одно течение отклонялось большим валуном на песчаной отмели, упираясь в левый берег. Другой поток был непрерывным, с разрывами. И наконец, медленное, но мощное течение, поднимающееся с приморской стороны реки за деревней.

Даже с такого расстояния он мог судить об этом. Даже в такую ночь, когда вид на Синеречье закрывали черные тучи и проливной шторм, противостоящий неистовому потоку, постоянно меняющему свои очертания, только для глаз Меле все было ясно.

Выдержит ли ослабленный дождем грунт? Достаточно ли глубоко она вскопана? Находились ли на пути порогов возделываемые в будущем году поля? Не подвергались ли опасности места, где любили играть Мироя и другие дети?

За мгновение до выстрела все эти мысли пронеслись в голове Меле в одно мгновение.

Лишь одна догадка, отточенная годами и многолетним опытом, указала ему путь к спасению.

— Вот так.

Он выпустил стрелу.

Воздух раскололся с громким треском, громче раскатов грома. Это был звук разрывающихся небес.

Траектория полета стрелы была похожа не более чем на полосу света.

Она вонзилась в землю.

Почва Синеречья раскололась до самых коренных пород в недрах земли.

Стрела, идеально попав в цель, еще глубже вонзилась в почву, а ее прямая траектория выровняла местность.

От удара в небо взметнулись потоки пыли и обломков, едва не затмив его.

Сказать, что удар был похож на землетрясение, было неправдой. Выстрел из лука Меле сам по себе был катаклизмом.

Даже с такого расстояния один-единственный выстрел устремился к самому краю горизонта.

— Вот так...

Меле впервые за эту ночь смог удовлетворенно улыбнуться.

Ливень отхлынул от жителей деревни и хлынул на низменную и засушливую пустошь на окраине города.

Стрела, выпущенная им, была настолько совершенна, что не было необходимости выпускать еще одну.

— Ладно! Пора спать!

День уничтожения Синеречья наступит еще через год.

Однако в очередной раз Синеречье не было уничтожено.

Так было и в прошлом году. И в позапрошлом тоже. Двести пятьдесят лет назад здесь не было никакой деревни.

Раз в год на эти земли обрушивалось катастрофическое наводнение.

И только два раза в год Меле приносили в дар эти железные столбы.

Теперь эти столбы росли на вершине бесплодного холма, и их стало достаточно много, чтобы он стал известен как Игольчатый лес.

Меле Рев Горизонта был чемпионом, отличавшимся невиданной доблестью и героизмом. Среди легенд, рассказанных жителями деревни, не было ни одной истории о том, как Меле отважно использовал свою силу в бою и прогонял врагов.

Высоко в ночном небе мерцали звезды, усеивая бесконечный космос.

Для детей это ночное небо, должно быть, было невероятно красивым и таким очень-очень печальным.

Свет звезд обрамлял тенью повозку, взбирающуюся на холм.

Многие дети, продолжая отчаянно тянуть тележку, непрерывно кричали.

— Ты видишь это, да? Смотри... те же железные столбы, что и всегда. Мы привезли тебя в Игольчатый лес! Илие!

— Илье, эй! Тебе лучше не спать там!

— Мы здесь вместе, ясно? Тебе ведь не больно?! Илие!

— Да... Я в порядке...

Внутри повозки сидела молодая девушка, закутанная в желтое одеяло.

Бледность ее лица была достаточно сильной, чтобы разглядеть ее даже под лунным светом, и

она моргала в лихорадочной дымке.

В то время ее болезнь была неизлечимой.

Один из мальчиков выскочил вперед и помчался к середине Игольчатого леса. Он повысил голос и выкрикнул знакомое имя.

— Меле! Илие здесь! Она сказала, что хочет тебя видеть!

Гигант почти всегда валялся на спине, но это была единственная ночь, когда он не спал как бревно. Он беззаботно сидел спиной к детям.

— Дайте отдохнуть, а? Кто это, черт возьми, должен быть? По-моему, вы все одинаковые.

Меле ворчливо сплюнул в ответ, не оборачиваясь.

Он почти никогда не называл ребенка - необычайно маленького, даже для миньи, - по имени.

Возможно, отчасти это было связано с тем, что он боялся привязаться к этому слишком глупому созданию.

— Слезь со своей лошади, придурок! Это действительно будет последний раз, понял?! Ты был близок с ней с самого ее рождения, не так ли?!

Гигант потер лицо огромной рукой, в которой, казалось, могли бы уместиться три взрослых человека.

В отличие от своего обычного оптимистичного смеха, он заговорил с дрожью в голосе.

— Неужели пришло время?

Время прощания наступало всегда и непременно. Оно приходило, когда кто-то отправлялся в путь, ни о чем не жалея, как и в такие моменты - всегда слишком рано.

— Проклятые минья... Ваш род слишком слаб... слишком слаб наполовину.

Наконец повозка догнала мальчика. Взрослые, оказавшиеся родителями девочки, схватили ее за нежную и хрупкую руку. Дети, которых Меле видела изо дня в день, каждый раз называли имя девочки.

Илие. У нее даже не было второго имени. Илье из Синеречья. Она родилась в этом мире и покинет его, так ничего и не добившись.

— Меле... ты проснулся... Я рада...

— Просто совпадение, вот и все. Мне было так скучно, что я считал волоски в своей бороде.

— О, ты? Меле, послушай... Мне всегда было... так весело...

— Правда? Что ж, я рад это слышать. Ты наслаждалась жизнью в полной мере, не так ли, Илие?

Примерно в это время глаза всех детей в округе начали наполняться слезами, одна пара за другой.

Даже нарушители спокойствия, которые часто любят напускать на себя храбрость, потеряли самообладание.

Илие была дорогим другом для всех.

Однако Меле не собирался поддаваться слезам этих слабаков. Он был самым сильным из всех гигантов и, кроме того, божеством-покровителем деревни.

Он решил, что хочет показать ей что-то большое и впечатляющее.

Обхватив обеими своими массивными руками тележку, Меле заставил губы улыбнуться своей фирменной улыбкой.

— Хорошо. Ну, раз уж ты все равно собираешься сегодня умереть, я выполню любую твою просьбу. Какую, мисс?

— Тогда еще раз... Меле. Звезды... как раньше...

— Конечно, конечно! Ты сидела прямо здесь, на моем плече, и хорошо их разглядывала, правда?

— Мне... нравится... эта деревня. Звезды... такие красивые...

— Ба-ха-ха-ха-ха! Что, эти крошечные штучки? Когда придет время, я украшу твою могилу ими, сколько захочешь!

Своими массивными руками, способными вместить трех взрослых людей, гигант бережно прижимал к себе маленькую девочку, укрытую одеялом.

Она все еще была здесь. Она все еще дышала, все еще была теплой, все еще была полна жизни.

Он вспомнил день ее рождения. Небо было таким же ясным, как и этой ночью, а небо усеяно звездами.

В одно мгновение пролетело ее время.

Меле Рев Горизонта родился сильным.

Минья... Их жизнь так мучительно коротка...

— Кто-нибудь еще хочет посмотреть на звезды вместе со мной и Илие?

— Я хочу!

— Я тоже!

— Илие! Я тоже иду!

— Давай, я тоже, я тоже!

— Запрыгивайте, все вы! Какими бы близкими ни казались звезды, не пытайтесь их схватить!

Меле взял драгоценные маленькие жизни в обе руки и поднял их высоко в небо.

Когда он поднимал их все выше и выше, даже ему удалось хорошо рассмотреть сверкающие

звезды.

Это была необыкновенно красивая и необыкновенно грустная ночь.

Она поднялась еще выше, чтобы лучше видеть звезды, которые так любила. Выше, чем когда-либо.

Воспоминание из далекого прошлого.

— Привет, папа...

Это была ночь после ливня.

Вдали от камина воздух был немного прохладным - последние остатки бури.

Покончив с ужином, Мироя чистил зубы и задал вопрос отцу, который чистил зубы рядом с ним.

— Кто-то ведь отправился в Ауреатию из Синеречья, верно?

— О, ты говоришь о Мизуне? Ты тоже хочешь отправиться в Ауреатию, Мироя?

— Нет, дело не в этом, просто... Интересно, почему Меле отправляется на королевские игры?

— Хм? Что?

— Ну, во-первых, отсюда до Ауреатии довольно долго добираться...

— И ты не думаешь, что ему нужно ехать так далеко, чтобы зарабатывать деньги для деревни, не так ли?

Спокойный и вертлявый отец был полной противоположностью Мироя, который больше походил на свою мать. Тем не менее он всегда мог разглядеть и понять, о чем именно думает его сын.

— По правде говоря, на королевские игры мы решились отчасти и ради Меле.

— Ради Меле?

— Именно так.

Отец тщательно вытер лицо салфеткой и надел свои обычные домашние очки. От тепла лампы они слегка запотевали.

— Меле, ну... Он никогда не выезжал за пределы Синеречья.

— Вау, не может быть! Правда?!

— Да, точно. Он всегда был на этом холме, спал... ел то, что приносили ему из деревни, сбивал виверн ради мяса... Так было всегда, даже когда мой прадед был мальчишкой.

— Разве он никогда не хотел путешествовать?

— Уверен, что да. Обычно гиганты ведут кочевой образ жизни. Если они остаются на одном

месте, то, скорее всего, у них заканчивается еда... Впрочем, для Меле это не имеет особого значения.

Впервые Мироя задумался о том, какой должна быть жизнь Меле.

Двести пятьдесят лет на этом бесплодном, измученном непогодой холме. Никакой смены обстановки, ни одной встречи с другими гигантскими собратьями. Хотя он и был божеством-хранителем Синеречья, он не мог жить вместе с минья в деревне. Обе стороны знали, что разница в масштабах между минья и гигантами слишком велика во всех мыслимых отношениях.

Несмотря на то что его глаза могли видеть дальше, чем у других, он ни разу не посетил открывающиеся ему пейзажи.

— Шторм в этом году закончился. Поэтому мы хотим, чтобы он попутешествовал, хотя бы ненадолго. Поскольку мы уверены, что выживем еще год... мы подумали, что было бы неплохо, если бы он смог запечатлеть какие-то воспоминания за пределами этой деревни.

— Но он будет сражаться на королевских играх. Там будет даже Росклея. Разве это не страшно?

— Хм.... думаю, тебе сейчас трудно это понять, Мироя.

Отец сложил руки, смутно размышляя и хмурясь.

Из ночной тишины за окном доносилось щебетание птиц.

— Меле, ну... он сильный.

— То есть, конечно, но все же...

— Он сильный. Гораздо сильнее, чем ты думаешь, Мироя.

Меле Ревущий Горизонт был чемпионом неизвестной доблести и героизма.

Но, несмотря на это, в деревне не было ни одного человека, который бы сомневался в том, что он сильнейший в мире.

— Должно быть, это было лет восемь назад. Ты знал, что армия Короля Демонов расположилась совсем рядом с местом, где мы сейчас находимся?

— Что? Не может быть...

— Это правда. Честно говоря, я был в ужасе, и, как ребенок, ты плакал без остановки каждый день. Вся местность кишмя кишела солдатами армии Короля Демонов... но если бы мы не сбежали, нас бы тоже в какой-то момент насильно призвали в армию Короля Демонов. Ситуация была настолько плачевной, что некоторые семьи... всерьез подумывали покончить со всем этим.

Среди детей, которые любили рассказывать истории о драконах, ограх или даже монстрах вроде Тороа Ужасного, Истинный Король Демонов был фигурой, о которой никто из них не шутил.

Все понимали, что это слишком серьезная тема для их игр.

— Но этого не произошло. Все остальное досталось армии, но только наше Синеречье остался в безопасности... Я все это помню. Почти каждый день Меле стоял на том холме и смотрел на армию Короля Демонов. В руках у него был тот самый черный лук. Он не выпускал стрел... Но мрачное выражение его лица было таким, какого я никогда не видел.

— Это все благодаря Меле... что армия Короля Демонов не пришла сюда?

— Невероятно, не правда ли? Меле победил Истинного Короля Демонов. Это чистая правда.

Возможно, это был единственный анекдот, описывающий подвиги Меле.

У Мироя возникло ощущение, что он знает причину, по которой взрослые никогда об этом не говорили. Неминуемое разрушение и буйное, бесформенное отчаяние. День, когда улыбка исчезла с лица Меле.

Все и вся, что полностью отличалось от того, чем была деревня сейчас... Это было событие, которое каждый хотел бы запомнить как не более чем дурной сон.

В Синеречье царил покойствие.

Жители этой небольшой деревушки продолжали жить на землях своих предков, никогда не вынужденные переселяться в Ауреатию и не подвергавшие свои богатые ресурсы опустошению со стороны Истинного Короля Демонов.

Как и некоторые другие отдаленные, неисследованные регионы, разбросанные по всему миру, это было одно из немногих мест, которое смогло сохранить свою форму в эпоху Короля Демонов.

— Меле - воин. Он был силен всегда... возможно, еще до того, как пришел в эту деревню.

— Даже когда ему не с кем было сражаться?

— Меле всегда был силен сам по себе. Должно быть, это одиноко. Если бы он сражался, то был бы сильнее всех остальных... Тем не менее, он продолжает защищать эту деревню, не показывая никому своей силы...

Мироя не знал, какой разговор состоялся между взрослыми деревни и Меле, когда он сказал, что собирается присоединиться к играм.

Однако если все это правда, если Меле действительно был воином все это время...

Должно быть, ему было так грустно. Так одиноко.

Хотя жители деревни приносили ему еду, предлагали стрелы и делились с ним воспоминаниями, какая-то его часть, должно быть, никогда не чувствовал себя удовлетворенным.

Эпоха тирании Истинного Короля Демонов сама по себе породила различных чемпионов по всей земле. В этой деревне, где царили мир и спокойствие, не было ни одного такого сильного бойца, как Меле.

— Папа. Ты думаешь, Меле сможет победить Росклея?

— Конечно, может.

— Но я никогда раньше не видел, как Меле выпускает стрелы.

— Хм? Ты уверен? Я уверен, что видел.

Отец озадаченно покачал головой и открыл окно, выходившее на холм.

Игольчатый лес, возвышавшийся над деревней, был хорошо виден из каждого дома в деревне.

— Когда тебе было семь лет, ты сказал, что видел падающую звезду, не так ли?

— Да... Хотя я не очень хорошо это помню. Как же так?

— Смотри. Сегодня ты видишь ее очень хорошо, правда?

Мироя мгновенно высунулся в окно от восторга.

Падающая звезда. Ясно видимая звезда мчалась по ночному небу.

Однако звезда поднималась в небо.

Со стороны холма по небу мчались десятки горящих линий. Ряды и ряды.

В обычную ночь их можно было бы не заметить.

Бледный свет, слишком слабый, чтобы его заметить, если бы не ясное небо после бури.

— Свет от горящих глиняных стрел Ремесла. Далеко в небе. Достаточно быстро, чтобы испепелить землю внизу. Только Меле способен на такой подвиг, и он делает это каждую ночь.

— Меле!

Мироя просто не замечал, но эти падающие звезды сверкали каждую ночь.

Огромный гигант, вечно бездельничающий и смеющийся над всем... выпускающий свои стрелы ночь за ночью, прямо здесь, в этой деревне.

— Эй, папа... папа!

Мироя так пристально смотрел на свет, что чуть не вывалился из окна.

Меле был большим лжецом. Он все-таки стрелял стрелами.

И не только это, но и такие удивительные вещи, как эта.

Теперь Мироя мог поверить.

Он хотел верить, что самый большой человек в Синеречье, сколько его помнили, действительно был самым сильным во всех землях.

— Ты думаешь, Меле сможет победить Росклея?!

Высоко в чистом небе мерцали звезды. Они простирались по широкому небу.

Прекрасное небо, буря давно ушла.

— А-а-а, черт... Черт возьми, чуть было и это не случилось.

Глядя на мерцающую в небе звезду, достаточно маленькую, чтобы пройти сквозь игольное ушко, Меле тихонько щелкнул языком.

Подняв с земли стрелу, он натянул тетиву и, прицелившись высоко в небо, послал стрелу в маленькое пятнышко в небесах. Так продолжалось до тех пор, пока он не исчерпал все свои силы и не погрузился в глубокий сон.

Он был уверен, что его цель все еще чуть-чуть не точна.

Он был уверен, что его стрела все еще падает совсем немного.

Но все же сегодня было лучше, чем вчера. Поэтому он знал, что в конце концов попадет.

— Просто смотри.

Драконы не посвящают себя тренировкам. То же самое можно сказать о гигантах и эльфах, обладающих одинаково длинной жизнью.

Считается, что среди всех рас мира только те, у кого срок жизни ограничен, способны оттачивать свое мастерство и вкладывать в свои начинания столько сил.

Однако если бы долгоживущие расы могли посвятить всю свою жизнь изучению одного-единственного навыка...

Гигант обхватил обеими руками усыпанное звездами ночное небо над головой.

Он никогда не скрывал своей уверенной ухмылки.

В ночи, когда звезды сияли ярко и ясно, он делал именно это.

— Они прекрасно подойдут для ее могилы.

Он обладал высочайшей остротой зрения и мог видеть за горизонт благодаря своему необычайно массивному телу.

Он обладал почти божественной точностью, способной одним выстрелом изменить течение бушующих порогов.

Он стрелял из своего лука с разрушительной силой, каждую стрелу невозможно было заблокировать или уклониться - один выстрел мог сровнять с землей огромные пространства.

Его астральные стрелы запускались из места, далекого от земного понимания.

Лучник. Гигант.

Меле, Рев Горизонта.

<http://tl.rulate.ru/book/102699/3706590>